

ТУРЕЦКИЕ ВИРАЖИ

Трофимов Г. Ю.

(25 января 2021 г.)

Феномен экономического развития Турции не может не вызывать интереса. Как соотносится её длительный успешный рост после 2001 г. с нынешними реалиями: двузначной инфляцией и безработицей, подскочившей из-за рецессии двухлетней давности? Курс турецкой лиры упал за последние пять лет на 62%, а чистые официальные валютные резервы в апреле 2020 г. вышли в отрицательную зону. Уже в этом году весьма вероятны проблемы с обслуживанием лавинообразно растущего внешнего долга, которые могут иметь глобальные последствия и поставят вопрос о внешней финансовой помощи.

Все это происходит с экономикой, показывавшей хорошую долговременную динамику на всем послевоенном периоде и имеющей значительный потенциал дальнейшего роста. Чтобы понять, в чем особенности турецкой модели развития, каковы её достоинства и слабые места, имеет смысл охватить ретроспективу нескольких десятилетий и проследить основные этапы экономического развития Турции. Такой экскурс позволит дать ответ на вопрос, почему для этой страны на данном этапе кризисный исход закономерен.

Двадцатилетние циклы модернизации

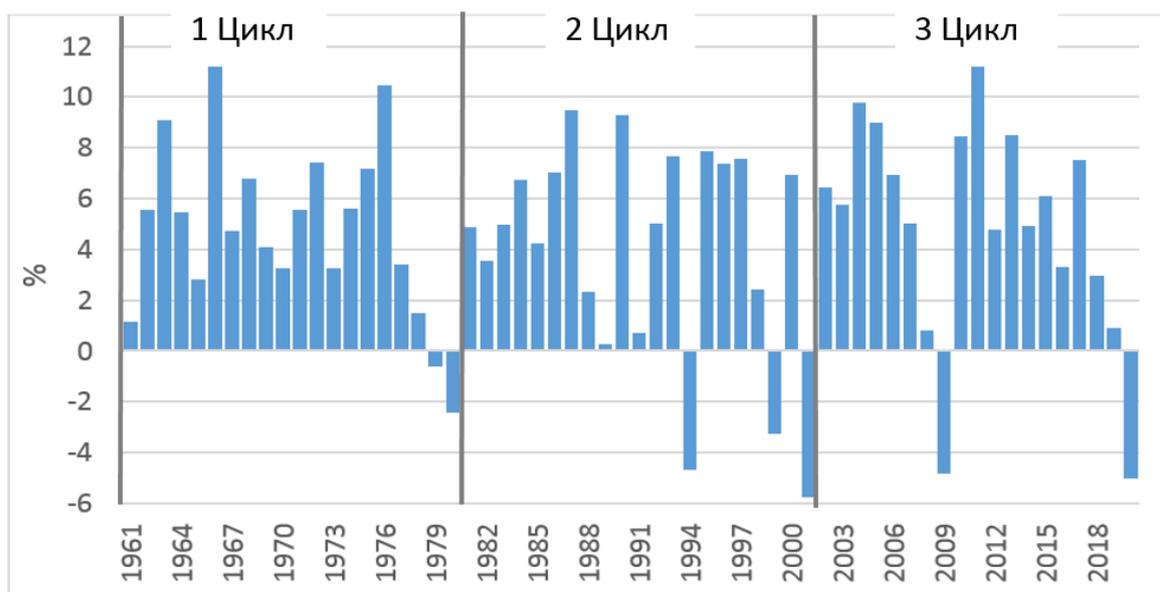
Послевоенное развитие экономики Турции, относившейся до начала 1980-х годов к смешанному типу, было достаточно динамичным, но имело явно выраженный циклический характер. Можно выделить двадцатилетние политико-экономические циклы, которые схематично выглядят следующим образом. Глубокий экономический кризис, унаследованный от предыдущего цикла, вызывает приход к власти (с помощью военного переворота или путем выборов) свежих политических сил с новой парадигмой развития, которые реализуют качественный рывок экономики. Дальнейшее развитие в рамках цикла приводит к проблемам платежного баланса, создающим предпосылки для очередного глубокого экономического кризиса.

Цикл 1961 – 1980 г. начался после военного переворота 1960 г., последовавшего за экономическим кризисом, вызванным не очень удачными попытками рыночных преобразований. Приведенное к власти правительство взяло курс на дирижистскую индустриализацию на основе пятилетних планов развития (в 1963 – 1977 г. было реализовано три пятилетки). Индустриализация опирались на централизованные инвестиции в создание промышленной базы, что было возможно благодаря высокой доле госсобственности. Инвестиционная активность государства была дополнена стратегией селективного импортозамещения, допускавшего наращивание импорта оборудования и промежуточной продукции. Развитие промышленности стимулировало переток рабочей силы из сельской местности в города, а в дальнейшем трудовая миграция направилась в Западную Европу.

Индустриализация дала относительно стабильный рост ВВП в период трёх пятилеток – в среднем с темпом 6% в год (график 1) – но привела к ухудшению торгового баланса и росту внешней задолженности. Из-за отставания роста экспорта, текущий счет платежного баланса стал устойчиво отрицательным, что привело к девальвации турецкой лиры на 66% в 1970 г. Проблема в дальнейшем была смягчена благодаря недорогим внешним заимствованиям и значительным валютным трансфертам зарубежных заработков турецких работников.

Проблемы с госдолгом, возникшие из-за шоков нефтяных цен и нарастания макроэкономических дисбалансов привели к болезненному экономическому кризису 1978-1980 г. и социально-политической дестабилизации. Это стало причиной военного переворота 1980 г., ознаменовавшего начало нового двадцатилетнего цикла 1981 – 2000г. Приведенное к власти реформаторское правительство осуществило макроэкономическую стабилизацию, начав с девальвации лиры на 70%, а затем действовало в духе утверждавшейся в то время идеологии неолиберализма, выраженной «Вашингтонским консенсусом».

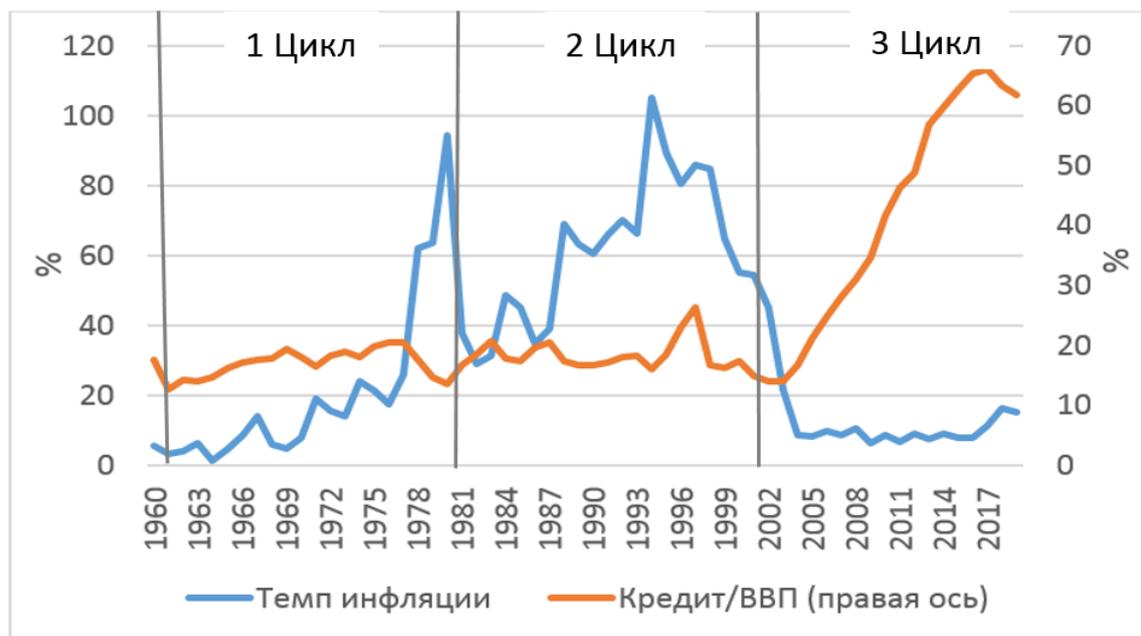
График 1: Темпы роста ВВП Турции (1961-2020 г.)

Источник: Мировой Банк

На смену импортозамещению пришла стратегия экспортно-ориентированного роста на основе либерализации внешней торговли и валютного режима. Для поддержки экспортной экспансии использовались два основных средства – субсидирование промышленного экспорта и замораживание зарплат. В 1989 г. началась либерализация капитальных потоков, вызвавшая приток коротких денег и усилившая дестабилизирующие эффекты внешних шоков на экономику. Все эти меры не смогли исправить накопленные внутренние дисбалансы, симптомом которых была галопирующая инфляция потребительских цен, возникшая ещё в начале 1970-х и усугубившаяся в 1990-е (график 2).

График 2: Годовые темпы инфляции потребительских цен и кредит нефинансовому сектору в долях ВВП (1960-2019)

Источники: МВФ, Мировой Банк

Структурные реформы нулевых

Третий цикл модернизации начался после финансового кризиса 2001 г, самого сурового в послевоенной истории Турции. С помощью МВФ и Всемирного банка страна быстро преодолела его последствия, и инфляция упала с 54.4% в 2001 г. до 8.6% в 2004 г. При поддержке этих же организаций была реализована программа нелиберальных структурных реформ в рамках «Пост-Вашингтонского консенсуса», нацеленных на повышение качества управления и прозрачности в государственном и частном секторах, оздоровление финансовой системы, обеспечение правовых гарантий собственности, накопление человеческого капитала и т. д. Такие реформы нацелены, в конечном счете, на то, чтобы сделать ту или иную страну более привлекательной для иностранных инвестиций.

Структурные реформы принесли определенные позитивные результаты, например, улучшение бюджетной дисциплины, развитие механизмов регулирования экономики на основе правил с участием независимых агентств, обеспечение прозрачности и развитие конкурентных начал в системах госзакупок и отбора проектов. Была проведена

приватизация убыточных госпредприятий и реструктуризация банковской системы, сильно пострадавшей от кризисов 1999 и 2001 г. Улучшение банковского надзора и регулирования позволило повысить долю кредитов в активах коммерческих банков с 30% в 2003 г. до 50% в 2010 г.

Запуск этих реформ повлиял на приток в страну прямых инвестиций с накопленным итогом 124 млрд. долл. за период 2002-2012 г., что в 11 раз превысило объем, достигнутый за предыдущее десятилетие. Инвестиции дали новый импульс развитию обрабатывающей промышленности, включая машиностроение, нефтехимию и строительство. В период 2002-2007 г., предшествовавший глобальному кризису, среднегодовой темп роста ВВП Турции составил 7.2%. Общая факторная продуктивность национальной экономики росла в среднем на 3% в год, причем на две трети этот рост был обеспечен структурными сдвигами в экономике и перемещением рабочей силы из менее эффективных секторов в более эффективные.

Помимо структурных реформ, экономическую динамику нулевых определяли благоприятные внешние условия: экономический подъем Китая и позитивный настрой мировых финансовых рынков в отношении развивающихся стран, который подпитывался «глобальным избытком сбережений» и дешевизной ликвидности.

Для Турции немаловажным внешним фактором было улучшение в тот период политических отношений с Европой. Надежды на присоединение к Евросоюзу способствовали возникновению экономических связей, рассчитанных на обоюдовыгодное расширение рынков сбыта. Первым реальным шагом экономической интеграции с Европой стало соглашение о таможенном союзе Турции с ЕС, подписанное еще в 1996 г. В 2005 г. начались переговоры о вступлении Турции в ЕС, причем предполагалось завершить процесс к 2015 г. На сближение сторон позитивно влияли не только структурные реформы в экономике Турции, но и некоторые внутривнутриполитические подвижки в области гражданских прав и свобод для её жителей.

Социальные слагаемые успеха

Движущей политической силой экономической модернизации нулевых стала Партия Справедливости и Развития (ПСР), победившая на выборах 2002 г. Идеология консерватизма и умеренного исламизма не помешала руководству этой партии

осуществлять неолиберальные реформы, встроив их в модель экономического развития, выходящую за рамки экспортно-ориентированного роста.

Поддержка правящей партии росла среди широких слоев населения, которых привлекала не столько идеология, сколько результаты проводимой экономической политики. Согласно соцопросу, проведенному по итогам выборов 2007 г., 85% избирателей, отдавших голоса за ПСР, сделали это по экономическим причинам. Среди основных – вовлечение в экономическую активность и рост доходов широких групп населения, причем в наибольшей мере – в регионах, отдаленных от индустриально развитых центров в западной части страны. Как яркий пример, в прежде отсталых провинциях Центральной Анатолии в нулевые сформировались широкие массы среднего класса и выросли новые бизнес-элиты в сфере промышленности, строительства и торговли, потеснившие старые, возникшие в Стамбульском регионе в предыдущем цикле модернизации.

Руководству страны удалось избежать усиления неравенства доходов, характерного для неолиберальных реформ. На графике 3 показано изменение индекса Джини для домохозяйств Турции, который значительно снижался в нулевые. Уменьшению неравенства доходов способствовало регулярное повышение зарплат госслужащих и рост реальной минимальной зарплаты (в среднем на 5.2% в год в 2002-2016), также представленной на графике 3. К концу 2019 г. минимальная зарплата достигла 451 долларов США в месяц по текущему валютному курсу.

Оздоровление государственных финансов позволило нарастить социальные статьи бюджета. Доля госрасходов на здравоохранение выросла с 11% в 2002 г. до 17% в 2007 г., а на образование – с 10 до 14%. Была расширена доступность социальной инфраструктуры для широких слоев населения, в первую очередь, для наименее обеспеченных групп в периферийных регионах. Удалось сократить разрывы в качестве образования как внутри страны, так и в сопоставлении Турции и ЕС. Произошли улучшения в системе здравоохранения, что, например, отразилось в увеличении средней продолжительности жизни и снижении детской смертности.

График 3: Индекс Джини и минимальная зарплата (2002-2019)

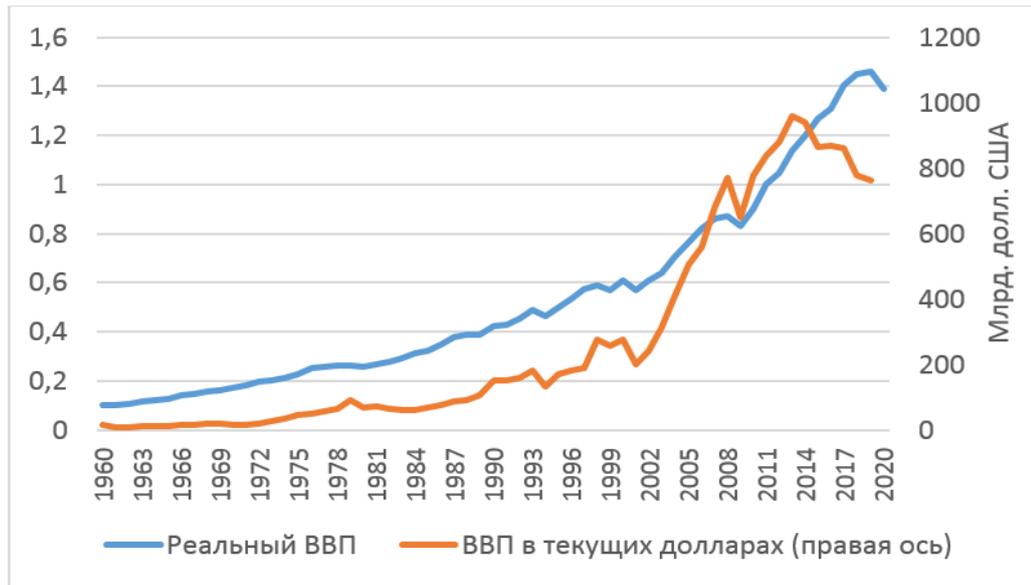

Источники: Федеральный Резерв, ОБСЕ

Амбициозные планы

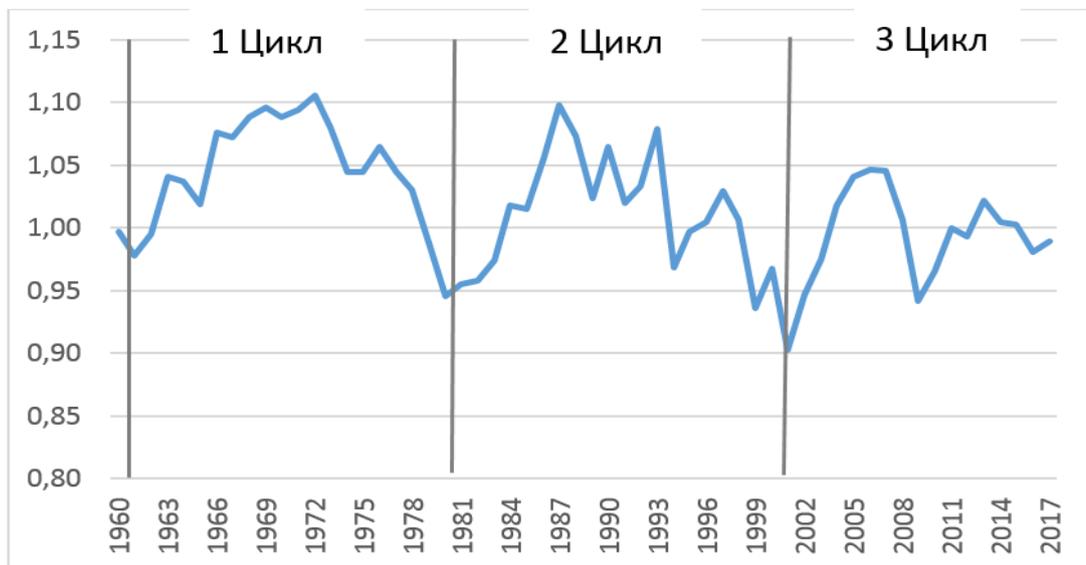
Начав подъем в 2002 г., экономика Турции преодолела кризисное падение в 2009 г. и продолжила рост вплоть до 2018 г. На графике 4 показана динамика ВВП этой страны в реальном выражении и в текущих долларах США (в последнем случае резкий спад после 2012 г. объясняется девальвацией лиры и не отражает реальной динамики производства). Период 2002-2017 демонстрирует среднегодовой темп реального роста 5.9%, то есть почти такой же, как в трех пятилетках индустриализации 1963-1977.

График 4: ВВП Турции в реальном выражении (2011=1) и в долл. США по текущему курсу (1960-2020)

Источники: Федеральный Резерв, Университеты Калифорнии и Кронингена

График 5: Общая факторная продуктивность (1960-2017)

Источник: Федеральный Резерв

Если же сопоставить двадцатилетние циклы экономического развития Турции, то можно видеть снижение, хотя и не столь значительное, среднегодовых темпов роста ВВП: 4.8% в первом цикле, 4.5% во втором, и 4.3% в третьем. Тенденция к снижению проявилась более отчетливо для показателя общей факторной продуктивности, представленного на графике 5. Этот показатель был в среднем выше в первом цикле, ниже во втором, и ещё ниже в третьем, что свидетельствует о долговременном уменьшении влияния технологических новаций на экономику. Необходимо, однако, иметь в виду, что в последнем цикле развитие турецкой экономики происходило в условиях более жесткой межстрановой конкуренции по сравнению с двумя предыдущими циклами, что могло негативно сказаться на динамике общей факторной продуктивности.

В таких условиях задача-минимум государства состояла в том, чтобы выдержать конкурентную борьбу, а задача-максимум – чтобы вырваться из так называемой «ловушки среднего дохода», то есть поднять доход турецких граждан до среднеевропейского уровня. К 2011 г. ВВП на душу населения Турции составлял 52% от этого уровня (для 27 стран ЕС), а фактическое потребление на душу населения – 57%.

При этом к исходу нулевых перспективы интеграции Турции с Европой заметно ухудшились. Отношение большинства жителей Турции к членству в ЕС стало негативным из-за усиления антитурецких настроений в некоторых странах Европы и неприемлемых требований евробюрократии к трансформациям социально-политических институтов в Турции, противоречившим традициям и ценностям этой страны.

С учетом этих обстоятельств руководство ПСР предложило в 2011 г. программу экономического развития «Видение-2023», которая была созвучна национальным ценностям и отвечала задаче-максимум. Программа была разработана в связи с выборами в парламент в июне 2011 г., очередной раз успешными для этой партии и её бессменного лидера Реджепа Тайипа Эрдогана. Консолидация после этих выборов правящей бюрократии и бизнес-элит консервативного толка вокруг ПСР ознаменовала начало эры «нео-девелопментализма» с усилением роли государства в экономике.

Главной заявленной целью программы «Видение-2023» было увеличение ВВП на душу населения более чем в два раза за 12 лет, к столетней годовщине образования Турецкой республики в 2023 г. Для этого достаточно было обеспечить рост ВВП с годовым

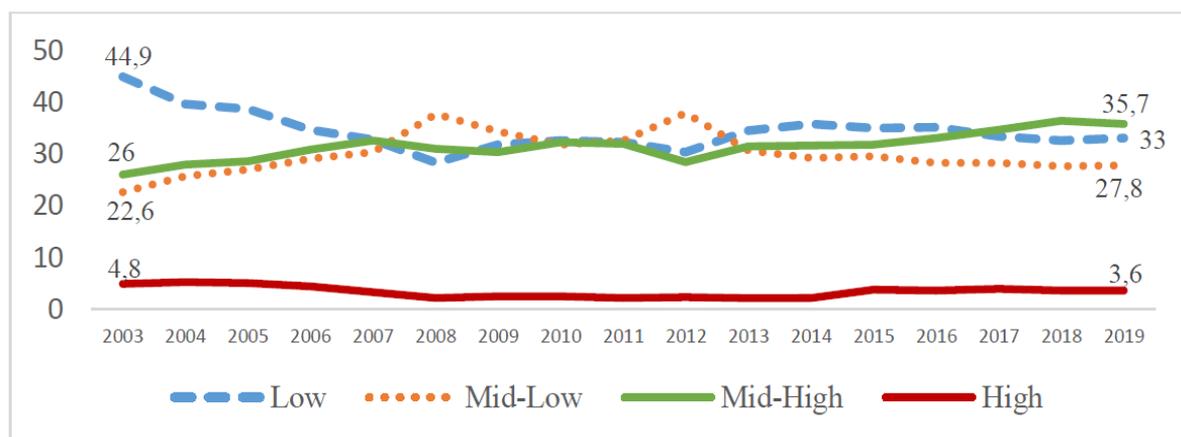
темпом 6%, то есть сохранить динамику предыдущего десятилетия. Программой предусматривалось снижение безработицы более чем в два раза, до 5%, увеличение объема экспорта в три раза, до 500 млрд. долл., и увеличение расходов на исследования и разработки более чем в три раза, до 3% ВВП. Предполагалось, что к 2023 г. Турция сможет войти в десятку крупнейших экономик мира и в первую пятерку по объему сельскохозяйственного производства, ослабить зависимость от импорта гражданской и военной продукции и найти свою нишу в сфере высоких технологий.

Приоритетные направления

Десять лет спустя амбициозные цели «Видения-2023» оказались, по большей части, далеки от реализации. Тем не менее, была успешно проведена реформа школьного образования, включавшая увеличение продолжительности обязательного обучения с 8 до 12 лет. Реформа нацелена на повышение качества образования и квалификации рабочей силы, а также на расширение вовлеченности населения, в первую очередь женского, в производственную деятельность (для сравнения, уровень занятости в 2019 г. был 47.6% для Турции и 76.7% для Германии). Логическим продолжением образовательной реформы станет широкомасштабное переобучение работников в связи с цифровизацией экономики. Согласно исследованию McKinsey, опубликованному в 2020 г., в Турции этот процесс охватит 21 млн. чел. или 78% от числа занятых.

В прошедшем десятилетии продолжилось развитие экспортно-ориентированных отраслей промышленности, уже ставших традиционными для этой страны – химической, электротехнической и автопрома, обеспечившего в 2019 г. 14.5% товарного экспорта, и менее традиционных, таких как аэрокосмическая и военно-промышленная индустрии. Доля в экспорте продукции технологического уровня mid-high, включающей автопром, достигла 35.7%, что видно из графика 6. При этом Турция продолжает встраиваться в глобальные производственные цепочки, одновременно развивая локализацию производства и расширяя возможности местных поставщиков промежуточной продукции.

График 6: Технологическая структура турецкого экспорта (2003-2019)

Источник: Институт Статистики Турции

Однако локомотивом экономического роста этой страны является не автопром, а строительная отрасль. Потребность в наращивании жилищного строительства существует не только из-за быстрорастущего населения Турции, но также из-за необходимости перестраивать жилой фонд ради обеспечения сейсмостойкости зданий. Кроме того, государство развернуло строительство новых больничных корпусов в 30 городах, в том числе, двух грандиозных больничных комплексов в Анкаре. Как показал 2020 г., это оказалось очень дальновидным решением. Строительный бум дал сильный мультипликативный эффект развитию смежных отраслей, в первую очередь, экспортных: металлургии, стройматериалов и производства сантехники.

Развитие транспортной инфраструктуры происходило с использованием государственно-частного партнерства и было впечатляющим. Например, четыре мега-проекта общей стоимостью более 60 миллиардов долл. нацелены на превращение Стамбульского региона в глобальный торговый хаб: новый автомобильно-железнодорожный мост через Босфор; международный аэропорт на окраине Стамбула, заменивший аэропорт имени Ататюрка и имеющий перспективу стать крупнейшим в мире; трёхуровневый туннель под Босфором и обводной судоходный канал, соединяющий Мраморное и Черное море. Эти и другие мега-проекты реализуются на фоне интенсивного развития всей внутренней транспортной инфраструктуры в условиях преобладающего горного рельефа страны. Были построены сотни мостов и туннелей,

причем общая протяженность последних в шесть раз превысила длину туннелей, созданных Турецкой республикой до прихода к власти Эрдогана.

Однако необходимо учитывать, что строительный бум отвечал групповым интересам армии чиновников, занимающейся отведением земельных ресурсов и выдачей лицензий. Симбиоз бюрократии, девелоперского бизнеса и коммерческих банков, сформировавшиеся ещё в бурные 1990-е, пережил структурные реформы начала нулевых и расцвел после 2011 г. Кроме того, строительная индустрия является в Турции фактором внутренней политики, так как служит для ПСР важным источником финансовой поддержки, а сам Эрдоган, бывший в 1990-е мэром Стамбула, сохранил в себе определённые качества мэра, став премьером и даже президентом с полномочиями премьера в 2018 г.

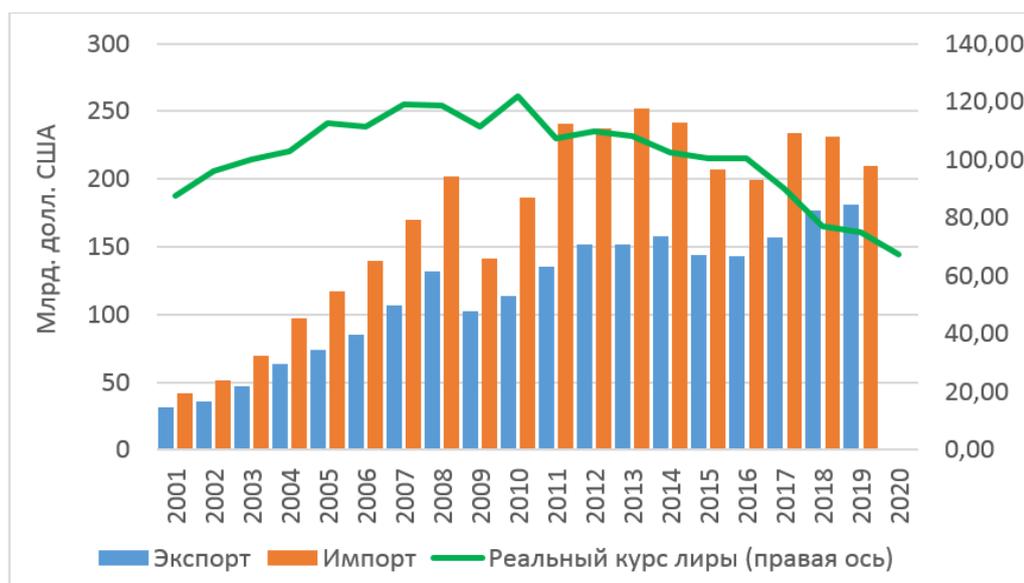
Турция сделала ставку на формирование традиционной энергетики на собственной ресурсной базе на основе месторождений угля и разработки оффшорных нефтегазовых месторождений. Энергетическая стратегия страны включает развитие транспортной инфраструктуры, основным объектом которой является введенный в строй в 2018 г. Транс-Анатолийский газопровод, и возведение Россией атомной станции мощностью 4.8 гигаватт на Средиземноморском побережье. Природные и географические возможности Турции обеспечивают, конечно при государственной поддержке, развитие возобновляемой энергетики. Энергия солнца, ветра и недр земли уже покрывает 15% энергопотребления страны, а вместе с гидроэнергией – 43%. Стратегическая задача энергетических проектов состоит в том, чтобы уменьшить зависимость экономики от поставок энергоносителей из-за рубежа, составляющих по стоимости пятую часть суммарного товарного импорта.

Два пути развития

Зависимость экономики от импорта отражается сальдо импорта-экспорта товаров, которое после 2011 г. постепенно снижалось, что видно из графика 7. В значительной мере это происходило благодаря падению цен на энергоносители и реальной девальвации турецкой лиры. При этом экспорт товаров в долларовом выражении рос медленнее чем реальный ВВП (3.7% и 4.9%, соответственно, в период 2011-2019), то есть совсем не так как, предполагалось в «Видении-2023». Возникает вопрос, почему товарный

экспорт не ведет за собой экономику, и почему доля высокотехнологичной продукции в экспорте по-прежнему мала – всего 3.6% в 2019 г. (см. график 6), как и малы расходы государства и бизнеса на исследования и разработки – чуть более 1% ВВП?

График 7: Структура торговли товарами и реальный курс лиры (2003=100) в 2001-2020

Источники: Мировой Банк, Центральный Банк Турции

Чтобы ответить на эти вопросы, имеет смысл сравнить Турцию с Южной Кореей, имевшей примерно такие же стартовые условия в начале 1960-х – преимущественно аграрную и технологически отсталую экономику с низким образовательным уровнем населения. В Корее на год раньше Турции началась импортозамещающая индустриализация на основе пятилеток развития. Однако в 1970-е Корея начала опережать Турцию, главным образом, благодаря более высокой – на 10-15 п. п. – доле инвестиций в ВВП.

Но наиболее заметно пути двух стран разошлись в начале 1980-х. Корея сделала упор на активную технологическую политику, запустив национальную программу исследований и разработок. Основной её смысл был в стимулировании частных инвестиций в приобретение и внедрение новых технологий. Это позволило Корее сделать качественный рывок, изменив быстрыми темпами структуру промышленного экспорта и

обеспечив переход от традиционного, менее технологичного, текстиля и одежды к продукции машиностроения и электроники. Доля расходов Кореи на исследования и разработки уже к 2006 г. составила 3.2% ВВП, то есть была выше целевого уровня «Видения-2023».

Как было сказано выше, Турция в начале 1980-х начала действовать в русле неолиберальной парадигмы, по принципу «всё решит рынок». Основным инструментом торговой политики было субсидирование экспорта, неэффективное с точки зрения инновационного развития. Именно по этой причине модернизация экономики этой страны в дальнейшем сдерживалась жесткими рамками международного разделения труда, навязанными рынком, и к настоящему времени такое положение дел мало изменилось.

Ловушка внешнего финансирования

Так что же было источником роста турецкой экономики в третьем цикле модернизации, если после 2001 г. не происходило накопления производственного капитала для индустриализации, экспортной экспансии или технологического рывка? Чтобы понять, достаточно опять взглянуть на график 2: почти синхронно с подавлением инфляции началась мощная кредитная экспансия. Доля в ВВП банковского кредита частному сектору выросла за 15 лет до 66% ВВП с нормального для предыдущих двух циклов уровня 15-20% ВВП. Среднегодовой темп роста кредита экономике в реальном выражении составил в 2002-2019 г. 14.7%.

Движущей силой такой кредитной экспансии стал приток в страну иностранного капитала, начавшийся в 2002 г. благодаря макроэкономической стабилизации, структурным реформам и оздоровлению банковской системы. Но главным мотивом движения капитала был все же разрыв процентных ставок, обеспечивший высокую прибыльность инвестиций в развивающиеся страны.

Происходившее в те же годы развитие финансовой системы Турции сделало кредитование легкодоступным. Приток внешнего финансирования привел к снижению уровня сбережений городского населения, в значительной части принявшего западную модель потребления на долговой основе. Например, доля сбережений домохозяйств в ВВП снизилась с 21.7% в 2000 г. до 11.7% в 2014 г., а доля продаж объектов недвижимости

по ипотеке составляла в последнем десятилетии 30-40%. Кроме того, банки использовали различные схемы внешних заимствований для нефинансовых компаний, работающих на внутренний рынок. Эта практика стала особенно широко применяться после кризиса 2009 г., когда валютное регулирование было ослаблено ради поддержки нефинансовых предприятий, внешний долг которых вырос с 77 млрд. долл. до 166 млрд. к 2013 г.

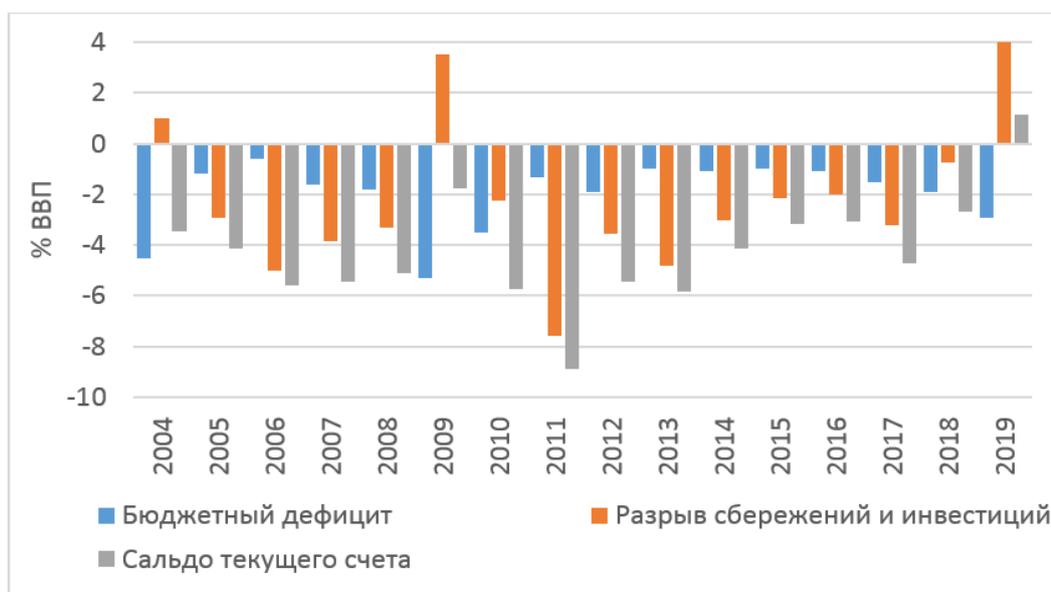
Кредитная экспансия повлияла на реальное укрепление турецкой лиры и увеличение импорто-экспортного сальдо торговли товарами в нулевые (график 7), что отчасти объясняет провал экспортной экспансии в третьем цикле модернизации. В период с 2002 по 2019 г. товарный экспорт Турции покрывал импорт в среднем лишь на две трети. Существование экономики с таким огромным и устойчивым дефицитом в торговле товарами было бы невозможно, не имея она хорошо развитого туристического бизнеса, стабильно покрывавшего почти половину этого дефицита (15-17% товарного импорта в 2019 г.).

Остальную часть обеспечивало внешнее финансирование, ставшее наряду с туризмом, основным источником экономического роста. Страна получила инвестиционный рейтинг в 2012 г., однако уже на следующий год ситуация ухудшилась из-за объявления ФРС о скором завершении количественных смягчений и ожиданий скачка процентных ставок. Турция стала жертвой панических настроений (*taper tantrum*) и была причислена Morgan Stanley к «хрупкой пятёрке» – черному списку стран с наиболее рисковыми валютами. Через пять лет рейтинги были уже мусорными – после введения в 2018 г. санкций США против турецкой стали и алюминия Турция стала страной-изгоем для глобальных финансовых игроков.

Индикатором хрупкости её финансовой системы является хронический тройной дефицит – текущего счета платежного баланса, госбюджета и частных сбережений (график 8). Тройной дефицит является следствием того, что внешнее финансирование направляется, в первую очередь, на потребление домохозяйств и на реальные инвестиции, ориентированные на внутренний рост, включая амбициозные проекты государства. Потребление и инвестиции поддерживаются банковской системой с помощью внешних заимствований, в значительной мере, из-за недостатка внутренних сбережений. Центральную роль в этих процессах играет строительная отрасль, которая получает финансирование за счет внешних источников, но работая на внутренний рынок, дает валютную выручку на порядок ниже чем туризм. Очевидно, что если длительная

внешняя экспансия долга не обеспечена потоком валютной выручки, то рано или поздно наступает валютно-финансовый кризис.

График 8: Дефицит текущего счета, госбюджета и частных сбережений (2004-2019)

Источник: Мировой Банк